

РАСКРЫТА ОДНА ИЗ ВЕЛИКИХ ЗАГАДОК ПРОШЛОГО ВЕКА

автор книги
РУСЛАНА ВИЗБОР

художник обложки
ВЛАДА ИЛЛИЗАРОВА

ОСНОВАНО НА РЕАЛЬНЫХ СОБЫТИЯХ

НЕ ХОДИ ТУДА

ТАЙНА ПЕРЕВАЛА ДЯТЛОВА

ПОСЛЕДНЯЯ ИСПОВЕДЬ
ОЧЕВИДЦА

ЭТА ВЕРСИЯ ЕДИНСТВЕННАЯ И НЕПОВТОРИМАЯ

Руслана Визбор

**Не ходи туда. Тайна
перевала Дятлова**

«Издательские решения»

Визбор Р.

Не ходи туда. Тайна перевала Дятлова / Р. Визбор —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-831917-4

2 февраля 1959 года на Северном Урале далеко в тайге были обнаружены 9 трупов молодых туристов-студентов. Особенным это событие стало из-за мистической тайны гибели туристов. Их тела были разбросаны по всей тайге на несколько миль. На их замерзших лицах навсегда застыл ужас. Что произошло? До настоящего времени ответ на этот вопрос скрывался. Мы решили приоткрыть Вам тайну этой жуткой, основанной на реальных событиях истории. Эта версия единственная и неповторимая.

ISBN 978-5-44-831917-4

© Визбор Р.
© Издательские решения

Не ходи туда Тайна перевала Дятлова Руслана Визбор

© Руслана Визбор, 2016

© Влада Иллизарова, дизайн обложки, 2016

ISBN 978-5-4483-1917-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Эту историю поведал мне мой дедушка. Многие считали его неплохим сказочником, но я до сих пор считаю, что эту историю он прожил на самом деле.

В далекой молодости мой дедушка по имени Аркадий по его словам служил под начальством «тайги». Далеко на севере он проходил военную службу младшим лейтенантом. В то время он и прожил самое главное для него событие в жизни.

«Горы они вообще жители мирные на земле, думаю, с точки зрения Божьей воли, они были задуманы как замок на вратах вечной тишины и покоя, не стоило тогда их начинать тревожить...

...Да и сейчас не стоит», – начал свой рассказ Аркадий.

Аркадий тогда числился в карауле в лагере «отселенцев», который состоял в основном из жителей дальнего севера. Народ был сам по себе спокойный, дружелюбный, даже наивные как дети. Режим был свободный, в общем, каждый жил, как привык.

«Зима у нас удивительная, в том году пришла раньше, чем обычно, но я к ее непростому характеру уже давно привык. Я ее чувствую по запаху, когда встаешь утром рано, пока свет осторожно сползает вдоль горизонта, а воздух похож на кристально чистый родник... и тишина. В этот момент по телу пробегают мурашки, и тебе становится удивительно спокойно на душе. Вот тогда понимаешь „Она“ пришла», – с улыбкой произнес Аркадий.

Молодой лейтенант Аркадий потянулся и медленно встал с постели, накинув старенький тулуп на плечи, он не торопливо в тапочках вышел на крыльцо.

Утро 2 января 1959 года начиналось как обычно. Аркадий, достал из кармана папиросу, помял ее в руках и закурил, глубоко вдыхая синий дым.

Из-за угла высунулась знакомая кошачья мордочка. Соседская кошка прибежала, услышав знакомый стук шагов.

«Здравствуй, Мурка, ты откуда здесь?» – с улыбкой произнес Аркадий.

Зеленые кошечьи глаза пристально вглядывались в зрачки Аркадия, следя за каждым его движением.

«Ладно, заходи в гости» – доброжелательно сказал Аркадий.

Открыв дверь, Аркадий, зашел в комнату, впереди его проскользнуло изящное тельце таежной тигрицы. Аркадий налил воды в кувшин и резким движением рук ополоснул лицо ледяной водой.

За окном послышался прерывистый стук и быстрые шаги. В одно мгновение на пороге показался молодой сержант Усупин.

Усупин встречал уральскую зиму впервые, до этого он всю жизнь прожил на юге. Вокруг глаз молодого человека уже выступали мелкие морщинки и пару глубоких морщин на лбу. Это была своеобразная расплата за обильные солнечные ванны щедрого южного климата. Кожа сержанта сохранила смуглый оттенок, а на подбородке возле скул виднелись небольшие пигментные пятнышки, видимо от недостатка южных витаминов. На вид Усупин выглядел старше своих лет, но его поведение выдавало полную душевную инфантильность.

Особенно забавно было наблюдать за его манерой общения, граничащей с недостатками подрастающего организма. Молодой человек был почти два метра ростом, как бы вытянутым за макушку, с непропорционально длинными руками и стопами. Казалось, что все в нем живет своей отдельной жизнью. Думаю, он сам это понимал, что сформировало небольшой комплекс, который он изрядно пытался скрыть. Его бледноватые губы каждый раз сжимались в тонкую полоску от насмешливых замечаний старших товарищей. В его взгляде читалась обида на весь мир. Он всегда стремился к обществу старших наставников, видимо от психологической привязанности к родительскому контролю и заботе.

Такое воспитание часто наблюдается в семье с единственным ребенком. Изрядная, даже весьма навязчивая, опека обоих родителей, с явным материнским позиционированием в семье, приводит к тому, что ребенок нуждается в оценочной похвале своих действий и одобрении своих поступков, которые за него принимают другие.

В его речи и манерах замечался довольно контрастное дублирование плохого плагиата чужого поведения, в котором он явно видел решение всех своих проблем. Голос был грубоватым, а фразы и слова произносились быстро и даже резко в пределах одного выдоха.

«Да, Усупов явно был украшением всего рядового состава», – с сарказмом подумал Аркадий.

«Товарищ лейтенант, вас срочно вызывают в штаб!» – громким голосом прокричал Усупов.

Аркадий кинул полотенце на веревку, и неспешно без лишних вопросов достал валенки с печки.

«Хорошо, я понял, можете быть свободны, сержант», – спокойно произнес Аркадий.

Кошка Мурка спрыгнула с окна и поспешила к двери, ожидая выхода Усупова. Усупов, не заметив, Мурки резко толкнул ее ногой. Мурка с резким криком отскочила от двери. Рядовой сержант испугался не меньше. Они, молча, смотрели друг на друга, с жутким страхом происходящего.

Немного вернувшись в реальность, Усупов приоткрыл дверь и выпустил кошку. Выйдя во двор, сержант, поскользнувшись, упал перед дверью.

Аркадий выглянул во двор, увидав повисшее в воздухе тело сержанта, с улыбкой произнес: «Живой?»

Усупов резко встал с порога, поправил ремень, отряхнул колено, и, не захлопнув дверь, двинулся в сторону вахты.

«Вот чудо!» – язвительно произнес Аркадий.

Аркадий с неприязнью относился к действующей политической обстановки, коммунистическая система, авторитарный строй его раздражали. В обстановке идеологической узурпации инакомыслие было в сравнении враждебности ко всем и каждому. Систему принимали все, другого выбора не было. Даже те, кто воистину не в состоянии был понять ее высоких мотиваций. И конечно эта «дежурная улыбка», радость и гордость за то – не знаю что», сопровождала везде.

Все это раздражало Аркадия, панельная мода на высокие цели и весомые результаты, односторонняя поведенческая культура... нет, это все было не для него. Но и в его мнении «каждый сам себе хозяин» явно никто не нуждался. Поэтому он пошел по самому простому пути, притворившись, что со всеми и как все. За спиной коллектив его называл – «отшельник».

Накинув обмундирование, молодой лейтенант вышел во двор и двинулся в сторону командного пункта. Взявшись за ручку двери, он глубоко вздохнул, и мысленно надел маску «заинтересованного лица».

В кабинете командира отделения сидела вечно недовольная физиономия. Старееющее, округленное тело казалось, слилось с деревянным стулом. Капитан Борович был, как говорить большим и капризным ребенком. Его психологическая личность была не выносима

для любого человека. Наверное, подобные «уникумы» и становятся начальниками, чтобы была отдушина расплатиться за свои недостатки.

Лицо капитана не выражало никаких эмоций и очертаний, оно представляло собой сплошную идеальную фигуру – круг. Обвисшие красноватые щеки, с чуть заметными капиллярными сетками, маленький зазорный носик, а под глазом раздражающее родимое пятнышко, оранжевого цвета. Подобие остатка, когда-то пышной шевелюры на черепе с сединой на кончиках волос. На лице и подбородке в независимости от времени года выступал пот. Последние три года «Боров» так его прозвали, мучился от проблем с пищеварением.

«Ну, что как обычно в первых рядах», – не поднимая головы, спросил Борович.

«Сегодня пять человек покрепче и как обычно молодых», – продолжил он.

«Как всегда на десятый?» – спросил Аркадий.

«Куда еще!» – ответил «Боров».

В лагере это было обычное дело, каждый месяц, а то и чаще «сверху» приходил приказ, вроде разнарядки, требуется состав людей – «узников Гулага» для работы в горах.

«Особенно меня тогда удивляли требования к ним, казалось выносливость, и опыт не имели значения. Отбирали только молодые люди до двадцати пяти лет от роду с хорошим здоровьем, как юноши, так и девушки, – вспоминал Аркадий, – на каждого составлялась подробная медицинская карта и после отбора отправлялись не только люди, но и все их документы».

Каждый подобный раз приезжал крытый грузовик, с двумя вооруженными солдатами и врачом, людей забирали и больше их никогда никто не видел. Они вычеркивались из общего состава пребывающих, а напротив их фамилий ставилась запись – «выбыл 18\1—37».

«Конечно, я понимал, что в горы на работу они не попадали, и то, что погибли они, добывая руду для советской власти, отмечалось только на бумагах, – продолжал рассказывать Аркадий, – но задавать лишних и, весьма глупых вопросов было не принято».

Система знает свое дело и работает исключительно в интересах страны, общества и каждого советского человека в целом.

Винтик знай, свое дело и крутись в поставленном тебе направлении, с тебя больше и не требуется, а машиной будет управлять тот, кто знает, для чего он ее создавал.

Аркадий поспешно вышел из управления на свежий воздух, его немного подташнивало от приторного запаха в кабинете Борова. Немного проветрив свои легкие, молодой человек отправился в отделение медсанчасти, что бы подготовить очередную партию узников на «трудовые работы».

Прогуливаясь Аркадий, достал по привычке пачку сигарет и закурил. Синий дым медленно поднимался вверх, сливаясь с облаками. Легкие глубоко и жадно втягивали привычный приятный вкус табака. Тонкая струйка голубого дыма заворачивалась в плавные волны прибрежного бриза. К губам поступал приятный теплый воздух от красного уголька это, пожалуй, единственный способ укротить огонь в руках.

Аркадий отвел указательный палец и быстрым движением выпросил окуроч в снег.

Подойдя к госпиталю, он постучал валенками по деревянному порогу и вошел внутрь. Подойдя к двери ординаторской, он постучал пару раз и приоткрыл дверь.

За столом сидела молодая девушка лет двадцати пяти. Это была терапевт Анна, прибывшая год назад из области по распределению после окончания медицинского университета.

Анна была худощавая девушка, трапециевидное лицо и широко расположенные плечи выдавали ее северную породу. Лоб был высоким с хорошо заметной родинкой у правой брови, а скулы ярко выраженные, за счет впалых щек.

Белокурые волосы золотистого цвета, озарялись ярким блеском от падающего дневного света. Анна выглядела намного моложе своего возраста, этот эффект достигался белой, даже

бледноватой тонкой кожей. На её висках можно было увидеть просвечивающиеся голубые вены под тонкой белой кожей.

Белые рукава халата сливались с худосочными руками и тонкими кукольными пальчиками. Голубые набухшие вены, выступали сквозь тонкую кожу рук.

Анна была и душевно представителем норманнской породы. Психологически уравновешенная, спокойная, малообщительная. Казалось, социума для нее не существует. Она была интровертом по натуре. Люди ее интересовали лишь как медицинский материал.

Общаться с ней было довольно сложно, весьма ощутимая дистанция чувствовалась уже при первом взгляде. Глаза не выражали яркости и блеска присущи молодой девушки. Скорей наоборот. Сероватый оттенок, мутноватые очертания, глубокая печаль и негодования, вот что читалось в зеркале ее души. А ее сдержанности и стойкости мог позавидовать любой. Казалось, она много лет строила душевную заставу от людей и достигла непробиваемого защитного пласта.

Люди ей были не приятны, она даже это не пыталась скрывать, хотя свое дело знала профессионально и никогда не позволяла себе удариться лицом в грязь.

К любой, даже незначительной критики в свой адрес она относилась особенно резко. Анна была способна без лишних эмоций затаить обиду, у которой уже не было шанса на прощения, и она уже с собой ничего не могла поделать.

К пациентам и, особенно к начальствующему составу, она обращалась «мои обезьянки». По своей профессиональной компетенции она обосновывала это отсутствием в ее крови резуса фактора, который присущ семейству обезьян. Поэтому с высоты данного природного обстоятельства она полноправно считала себя в привилегированном положении с точки зрения природной эволюции, а не надуманной общественной стратификации.

Вообще она по своей сущности прекрасно играла роль драматической актрисы. Без навязчивости и наигранности во всем чувствовалась душевная природа. Это и вызывало к ней интерес и любопытство. Чувствовалась глубина внутреннего мира. Творческого порыва, обремененного рамками стандартов и скупости общественной природы.

Аркадий робко встал у порога и произнес: «Здравствуйте, Анна, скучаете».

«Мне интересно оставаться один на один с собой. В этом мире так много баракла, что это на меня наводит скорей тоску, чем скуку», – добродушно ответила Анна.

Анна достала из ящика сигареты и, зажав папироску в корнцанг, изящно прикурила.

«На что жалуемся, пациент?», – с улыбочкой спросила Анна.

«Я разнарядку принес, на эту пятерку надо медицинские карты подготовить», – ответил, сдерживая улыбку Аркадий.

«Боров опять от сердца отрывает, скоро некого не останется», – с намеком сказала девушка.

Докурив папироску, Анна взяла с подоконника банку с водой и вместе с зажимом опустила папиросу в воду.

«Как обычно в лучшем виде!» – сказала Анна и поспешила удалиться пациенту.

Аркадий медленным шагом отправился к выходу, все еще оглядываясь, не помелькает ли образ Анны в коридоре и отправился в сторону вахты.

Придя на место Аркадий, положил пальто на стул и подошел к чайнику.

Налив себе стакан горячего напитка, он, положи две ложки сахара в чай, подумал: «Жаль, что жизнь не так сладка, как этот чай».

Присев у окна и, облокотившись на спинку стула, Аркадий посмотрел в окно на белую полосу горизонта.

За дверью раздался грохот и шум. Аркадий прикрыл глаза, как бы заранее предположив приход сержанта Усупова. В дверях показалась знакомая худощавая фигура сержанта.

«Опять дверь сломалась!» – без встречного вопроса сказал Усупов.

«Она явно к тебе не равнодушна», – не меняясь в позиции, ответил Аркадий.

«Кто?!» – с удивлением спросил Усупов.

«Дверь, только у тебя она ломается», – с сарказмом ответил Аркадий.

Усупов серьезно посмотрел на отдыхающего Аркадия, как бы пытаясь, неловким молчанием обратить на себя его взор.

«Аркадий Степанович, почему все ко мне относятся не серьезно как будто я маленький мальчик?» – вздорно произнес Усупов.

Аркадий вздохнул, без всякого желания объяснять мальчику аспекты личного отношения к человеку идущего по пути штампованных иллюзий и сухо произнес:

«Нет, это не так, просто я понимаю, что ты – как образец общественной идеологии, всегда будешь вхож в любой строй, тебе прямой путь к красным воротам, уважению и чести, вот тебе все и завидуют!».

Глаза Усупова загорелись от неожиданной лести, и на щеках выступил небольшой румянец. Казалось он, так долго проигрывал подобный сценарий в своих снах, что не мог поверить, что все это реальность.

«Я служу Родине и не вправе отказываться от ее великодушия», – звонко произнес Усупов.

«Скажи, а тебе не кажется, что у каждого человека есть право на мнение и выбор, ведь мы не овцы, чтобы быть похожи друг на друга, даже если это ладит стадо?» – сказал Аркадий, заранее пожалев, что задал столь риторический вопрос.

«Я думаю, что у каждого есть только два пути, либо со всеми, либо против всех!» – с интересом произнес Усупов.

«Кто говорит „против!“, совсем „не против“, а иначе. Даже если этого „против“ будет миллионы, оно разве автоматически не становится – за?» – спросил Аркадий.

«Думаю, что нет, ведь есть только два понятия, либо хорошо, либо плохо, другого выбора нет» – ответил Усупов.

«Усупов, тебе только диссертацию по филологии писать» – пошутил Аркадий.

«Может, и напишу, ведь я говорю правду, которой живет каждый из нас!» – ответил Усупов.

«В том то и дело, что не каждый...», – многозначительно ответил Аркадий.

На часах приближалось к полудню и пришло время обхода лагеря. Аркадий спешно допил чай и поспешил от общества навязчивого товарища прочь. Накинув пальто, Аркадий выдвинулся на улицу.

Огибая импровизированные улицы Аркадий, подумал: «Вот жил себе народ, никого не трогал, в бубны трубил, а потом пришли „грамотные люди“ и согнали их с земли обетованной еще и азбуке начали учить. А ты тут ходи и притворяйся, что тебе это все больше остальных нужно».

Во дворе уже припарковался знакомый грузовик – «карета в никуда». Из нее как обычно вылез врач-терапевт по имени Репин и с кузова соскочили два вооруженных сержанта. Особые люди для таких заброшенных мест как лагерь.

Репин потянулся и застегнул пальто.

«Здрав будь, Степаныч!» – выкрикнул Репин.

«И тебе не хворать», – ответил Аркадий.

«Заключенные готовы?» – спросил Репин.

«Да!» – с неуверенностью ответил Аркадий.

«Тогда забираем!» – поспешно сказал Репин.

Репин был военным универсальным врачом, имел множество наград, даже был приставлен к герою труда. Он как – то проговорился, что после войны, был приставлен главврачом в первой клинической больницы в Москве.

На отбор «заказанных» узников, приезжал всегда сам, лично проводил осмотр и изучал медицинские документы каждого узника.

На одного человека уходил примерно целый час скрупулезного анализа и осмотра. Особенно его интересовали глаза, нёба и состояние зубов. «Деревенский», казалось, медицинский пункт был оборудован лучшим медицинским оборудованием. Портативность и качество, которого могла позавидовать любая городская больница.

В лагере даже имелся новейший складной рентгеновский аппарат. Чудо технического прогресса не меньше.

Для Репина были созданы отдельные апартаменты, скрытые за железной дверью от простых смертных. Дверь запиралась на два замка. Один ключ находился у Репина, второй у начальника караула Борова. Открывалось все синхронно, с составлением протокола, за подписью всех участвующих.

Кандидатов заводили с черного входа, который открывался, только для этой специальной процедуры отбора. Их проводжали в комнату, где просили раздеться и присесть на металлические хромированные скамейки. Далее каждого вызывал доктор к себе по списку.

Репин доставал медицинскую карту и грубым голосом спрашивал фамилию заключенного. Потом медленно вставал, надевал на руки новые резиновые перчатки и правой рукой осматривал зрачки пациента на скользящий свет. Многозначительно всматривался, потом просил открыть рот и запрокидывал голову пациента назад. После этого пациента просили сесть на кушетку, далее Репин брал в руки удивительную машинку с виду похожую на карандаш. Он аккуратно, клал руку на затылок человека, немного опрокидывал его голову назад и быстрым отточенным движением прислонял «карандаш» к роговице глаза. В этот момент «карандаш» издавал звуковой электронный сигнал, Репин подходил к окну и смотрел результат. Потом молча, вписывал показатели в журнал.

По сравнению с остальными процедурами это еще были цветочки, пациенту предстояло опробовать весь диапазон «квантовой физики» на себе.

Далее человека укладывали на кушетку, к нему придвигался аппарат по размеру не больше коробки из-под обуви, из которого торчали провода с присосками и сеточка из желтых трубок, которая одевалась на голову. Все это прикреплялось на запястье и зону вокруг сердца, после чего аппарат противно пищал и выдавал кардиограммы на бумаге.

Потом человека подводили к упомянутому рентгену и фотографировали от пальцев ног до макушки. После чего выводили в другую комнату на сдачу крови.

Такая же процедура ожидала и остальных отобранных узников.

Репин после своей трудоемкой работы вместе с Боровичем наливали себе чай и долго беседовали наедине. Все это время за дверью стояли вооруженные сержанты с приставленными ружьями к груди, как будто ничего другого в своих руках больше не держали. Охраняя покой вельмож как два сторожевых пса.

Вся свита, громко посмеявшись и пожав друг другу руки, двинулась в сторону улицы. Солдаты препроводили покорно идущих узников в грузовик. Репин вскочил в кабину и, прислоняя пальцы ко лбу, быстро отвел их в сторону лобового стекла, как бы говоря с уважением «до скорой встречи».

Боров встречно сделал замах рукой и отправился обратно в госпиталь.

Боров как человек «себя любящий» поспешил к Аннушке очередной раз пожаловаться на увядающее состояние своего здоровья. Он искал жалости и озабоченности у обремененного служебным положением человека.

Постучав в дверь и пройдя всей своей массой тела в кабинет, уже насторожившейся, Анны, Боров сдерживая улыбку с масляными глазами прошел вперед.

Поступив на службу врачом Анну, сразу предупредили о наличии «особого» пациента, с которым ей придется иметь дело постоянно.

Боров был по натуре ипохондриком. К мужскому физическому труду он был психологически не приспособлен. А эта «легенда» позволяла ему держать оборону «Трудового Резерва». Он смахивал со лба пот, уже смотря, как кто-то трудиться. И не раз с весьма серьезной иронией произносил дежурную фразу: «Мне, увы, тяжелее ручки поднимать ничего нельзя». Но его артистичности можно было позавидовать, он мог обставить все, так как будто вся земля стоит от его самопожертвования собой. И ему веришь!

Семьи у него не было, не каждая баба выдержит постоянно таскать бревна на себе.

Его узкие, почти женские запястья в дополнении с коротенькими кривыми ножками, забавно смотрелись, неся на себе все приданое годами скопившееся на животе. Низкий рост и узкие плечи как следствие его физической недоразвитости. Даже военная форма не красит подобных людей. Казалось, смыслом его жизни была полная тарелка и мягкая перина, он не только жил этой непробиваемой логикой, но и мог донести ее до любого. Все в этой жизни надо заработать и здоровье, и красоту и силу, которой он явно был обделен. Этот недостаток он даже не мог завуалировать своей красноречивостью. Из этого положения он нашел свой своеобразный выход.

В его личном общении можно было увидеть только тех людей, которые страдали синдромом «поверхностной личности». А именно их психологически можно было прогнуть под свое влияние и навязать свою волю, таким образом, как будто это было их личным достижением. А главное они сами этого не понимали. И с радостью одаряли своего покровителя похвалой и восхищением. Этого было достаточно на первом этапе вербовки «своей свиты».

Не спешите верить, что таких «ведомых» людей просто не существует. Их миллионы. Просто легче всего сказать себе «я прав и точка», чем признаться в жестокой реальности. Мир жесток и в нем выигрывает не тот, кто играет по его правилам, а тот, кто подстраивает их под себя. Это сто процентная гарантия.

В общем, Аркадий не стал наблюдать за «умирающим лебедем» Боровым и продолжил свою прогулку.

Снег приятно шуршал под ногами Аркадия, на горизонт медленно опускалась шапка темноты. На небе уже приветливо начали подмаргивать звезды, а избы ожили огоньками света. Горы величественно и важно своей высотой напоминали о своем присутствии.

Пока Аркадий умилялся окружающей красотой, как в его ушах послышался «плоский» свист, схожий со звуком работающего на износ радиатора автомобиля.

«Что за ерунда?!» – испугался Аркадий.

Обернувшись на очертание гор, Аркадий пришел в недоумение. Как будто солнце в летний день резко озарило тьму. С правой стороны горы, что-то явно горело. Как будто недавно улыбающаяся звезда вдруг решила улыбнуться поближе. Вдруг на Аркадия нагрязнула мысль: «Самолет потерпел крушение! Точно самолет!».

Аркадий резко развернулся и побежал в штаб.

Холодный воздух обжигал легкие Аркадия. Аркадий немного замедлил бег и, обернувшись в сторону света, невольно остановился и мгновение стоял не шелохнувшись.

«Что такое?» – промелькнуло в голове Аркадия.

Яркое пятно белого света будто поглотилось тьмой и вертикально поднималось вверх прочь от горизонта. Как будто сам создатель поднимал солнце за невидимую ниточку. Круг белого огня становился все меньше и меньше и, побледнев, слился со звездами.

Аркадий стоял, остолбенев, не зная, что делать. То ли это была игра воображения, то ли что-то иное, но уповать на обман зрения ему точно не приходилось. Молодой человек обернулся по сторонам в надежде увидеть таких же свидетелей с недоумением на лице, но как назло, на улице не было ни души.

Рано или поздно с этим сталкивается каждый, когда рядом нет человека, который посоветует тебе что сделать или поможет принять решение. Ты остаешься один на один со своими

мыслями, и сомнениями. И ощущаешь непонятное чувство, щекочущее тебе нервы. Медленно нарастает паника. И слышишь слова внутреннего голоса, да-да тебе приходится познакомиться с самим собой, с тем, которого ты воспитал в себе и ты невольно начинаешь критиковать себя, как другого человека, раздражаясь от негодования, застигнувшего тебя врасплох.

Только в одиночестве можно познать себя, наедине остаться с внутренним голосом и с удивлением слушать тот бред, который все годы заглушало общественное мнение. А бред он неизбежен для любого человека, и, только найдя силы признать это в себе, ты обретишь гармонию с самим собой. Иначе рискуешь всю жизнь остаться марионеткой в кривых руках кукловода. Это момент зарождения личности. Самое верное решение – это то, которое принимаешь сам.

Не смотря на свой молодой возраст Аркадий, давно прошел эту школу жизни. Немного постояв на крыльце, он вытащил сигарету из кармана и приложил ее к носу, глубоко втянув ее аромат.

Аркадий прикрыл глаза, в памяти еще стоял расплывчатый образ «порхающей звезды».

Прикурив сигарету Аркадий, откинул голову назад и произнес: «Что ж чего в жизни не бывает, если на все искать ответы – мир станет менее содержательным!»

Улыбнувшись от с внезапно нагрянувшей философии, он отправился на вахту.

Зайдя в караульную Аркадий, увидел развалившееся на стуле тело Усупова. Его тонкие ноги лежали на приставленной табуретке в дырявых носках.

«Мальчик видит десятый сон», – подумал Аркадий.

Откинувшись на стуле и положив ноги на стол, Аркадий всматривался в окно, прокручивая в голове нагрянувшие мысли и медленно начал засыпать.

«Мне снится, будто я стою в заснеженной степи, вокруг нет никого и ничего, только снег и холод. Я начинаю идти вперед, сугробы все глубже, осколки льда царапают мне колени, мне становится все тяжелее и страшнее. Я хочу бежать, но меня будто засасывает что-то из глубины. Становится тяжело, дышать, вдохи все глубже, а воздуха все меньше. Я изо всех сил стараюсь выбраться, но ничего не получается, тело не слушается и работает против меня, я не могу пошевелиться. Пространство все больше, а ощущение как будто небо медленно спускается вниз. Мне надо выбраться, но времени секунды. Вдруг я просыпаюсь, сердце медленно стучит, а в груди как будто камень. Сон! Это просто сон!» – вздохнул Аркадий.

На лице Аркадия выступил холодный пот, лицо побледнело, щеки впали внутрь, руки тряслись. Аркадий положил руки на затылок и большими пальцами немного надавил на виски. Осознание реальности приливало к голове и ему становилось все легче и легче. Глубокий вдох и медленный выдох.

«Все я на земле!» – про себя несколько раз повторил Аркадий.

Нигде не живут такой полной, настоящей жизнью, как во сне. Все наши мечты, сомнения, варианты действий сразу приобретают свою практическую окраску. Нет границ, нет жалоб и приказов, есть только ты и мир вокруг тебя. В реальности время в твоей голове, а во сне – в твоих руках. И можешь с радостью бросить его в того, кому его вечно не хватает. Без чувства сожаления расставаясь с тем, что никогда не являлось границей твоих возможностей.

«Что за кошмары? – шепотом сказал Аркадий – лишь бы пророческим не был сон», – продолжил он.

Аркадий встал и вытянулся во весь рост. Хрустя позвоночником, он выкрутил руки за спиной и ощутил легкое головокружение от прилива крови к голове. Подойдя к столу, он достал из шкафчика фляжку и, поморщившись, немного отпил. Руки ощутимо согревались и фаланги пальцев почувствовали скользкий металл.

Выйдя на крыльцо, Аркадий достал сигарету и с удивлением обнаружил в своем кармане давно потерянный мундштук. Царапая пальцем по «деревянному свистку» Аркадий смотрел на медленно ползущий рассвет. Небо приобретало пастельные оттенки голубого цвета.

«Вот и сутки закончились», – подметил Аркадий и отправился в штаб сдать свою смену.

У штаба Аркадий заметил явную активность. Много военных не из лагеря. Боров ходил с озабоченным взглядом. Даже Анна мерзла на пороге, с натянутой улыбкой слушая, как Репин рассказывал про свои достижения жизни.

«Что за суета с утра пораньше?» – закатывая глаза, проговорил Аркадий.

Боров заметил подходящего Аркадия к штабу и недвусмысленным жестом руки дал понять, что ждет его на разговор. Аркадий следом проследовал к кабинету Борова, где уже расположились два офицера из города.

«Мануйлов Аркадий Степанович?!» – глядя на Аркадия, обратился офицер.

«Так точно! Старший лейтенант Мануйлов!» – ответил Аркадий.

«Вас отправляют в разведывательную группу особого подразделения, – начал разговор Боров, – задание особой секретности. Вам придется дать подписку о неразглашении информации, ставшей известной вас во время операции. Вы будите в составе особого подразделения».

Офицер протянул красную папку. Аркадий взял папку и, присев за стол Борова с другой стороны поставил чернилами свою подпись.

Периферийным зрением Аркадий наблюдал за следящими глазами всех присутствующих. В его голове накопилось множество вопросов, которые он не решался задать.

«Что мне тогда предстояло узнать, я и не догадывался», – вспоминал Аркадий.

Офицер с армейской выправкой поспешно забрал папку и, подув на еще не засохшие чернила, убрал ее портфель.

«Сборы через полчаса, в восемь ноль-ноль, ваша машина под номером 34!» – предупредил офицер.

Аркадий вышел из кабинета. В легких как будто застыл кислород, мышцы напряглись, а живот язвительно повизгивал. Аркадий достал пачку сигарет и холодными пальцами попытался отковырять папиросу. Не успев достать спички и прикурить, из штаба резко отворилась дверь, отряд из военных офицеров и вооруженных солдат выдвинулся во двор. В воздухе веяло напряжением и скрытой суетой.

В мыслях Аркадия промелькнула недавняя сцена про «разбившийся самолет», свидетелем которого ему пришлось оказаться.

«Видимо все не случайно!» – про себя отметил Аркадий.

На дороге продолжалась мобилизация военных машин, грузовиков. Они разворачивались явно к выезду. Аркадий взглянул на часы:

«Без десяти восемь, уже пора!» – промелькнуло в его голове.

Аркадий подошел к грузовику номер 34 и забрался в кузов.

Десять вооруженных солдат проследовали на погрузку. Мобильный эшелон выдвинулся из Гулага.

Аркадия не покидали тревожные мысли, мобилизация была мгновенной. Что-либо предположить не было возможным. Чтобы как-нибудь расслабиться, Аркадий мысленно абстрагировался воспоминаниями о детстве. О том времени, когда он не знал такого чувства как тревога и сомнения.

Грузовики тряслись и грохотали. Все «пассажиры» сидели, молча, опустивши свой взор в пол с мраморными лицами. Такому результату гипноза личности можно было позавидовать, достижение военного воспитания. Такого состояния проще всего добиться путем перелома воли человека, его личности и заполнения образовавшейся «пустоты» рефлекторной дрессировкой.

Беспрекословная армия, способная воспринимать лишь команды определенного лица. Инстинкты в таком случае вторичны. Поведение просчитано по минутам, все действия заранее обусловлены и четко предсказуемы. Нет ни голода, ни воли, ни сомнений, тело как машина, а мозг как радиолокатор, ожидающий сигнала.

Дорога заняла около часа, они доехали к закрытой военной зоне около заброшенной деревушки, где их как оказалось уже ожидали два вертолета. Полным ходом шла погрузка оборудования. Всех выгрузили из грузовиков и построили по две шеренги. Многие уже изрядно замерзли. После проверки всех присутствующих, отряды по шеренге отправили на погрузку в вертолеты.

Из окна по-новому предстала красота таежного леса. Сосны так тесно и так одиноко растластались средь белого ковра снега.

«Так странно, как будто я вижу это все последний раз», – подумал Аркадий.

Ветки колыхались по ветру и словно махали Аркадию в след. На душе затянула свою тонкую мелодию тоска.

Аркадий уткнулся лбом в стекло и закрыл глаза. Ему уже не было тревожно от того куда его везут и зачем. Ему хотелось испариться из этой бури жизни и исчезнуть из памяти всех, кто помнил о его существовании. Ноги медленно отогревались, в кабине было довольно тепло, и на Аркадия нагринул сон.

Через полчаса вертолеты, как ласточки приземлились. Аркадий выглянул из окна, местность напоминала деревушку. Ему раньше не приходилось здесь бывать.

«Что за место?!» – спросил Аркадий у сидевшего рядом сержанта.

«Закрытая военная зона номер 10!» – полусшепотом ответил он.

«Номер десять! Вот куда забирают наших заключенных», – сопоставил Аркадий.

Аркадий спрыгнул с вертолета и увидел знакомый силуэт Репина. Репин вместе с офицером подошли к толпе.

«Аркадий Степанович пройдемте!» – со спины Аркадия позвал незнакомый спокойный голос.

Аркадий увидел офицера, того самого «с папкой» и проследовал за ним. Видимо это был местный штаб или что-то вроде того. В длинных коридорах изредка проскакивали силуэты людей. Аркадия проводили в кабинет, где еще находились два человека в форме и охрана.

«Садитесь!» – с уставшими глазами офицер произнес Аркадию.

«Генерал-майор Гранатов, руководитель военных ракетно-космических испытаний!» – произнес человек, сидевший за столом.

Он был рослый, спортивно сложенный, с темными, почти пепельными волосами на голове и удивительно светло-голубыми глазами. Гранатову на вид было лет 45—50. Аккуратный и даже слегка честолубивый человек. Вся аура этого человека ненавязчиво располагала к себе. Враждебности не чувствовалось скорей наоборот миролюбивость по природе.

«Вы были отобраны нашим руководством не случайно. Ваша психологическая уравновешенность и манеры общения представляют для нас особое значение. Вы у вашего прямого руководства на очень хорошем счету. В вашей характеристике отмечают выдержанность и стойкость характера к любым экстренным ситуациям, с которыми вы неоднократно сталкивались. Нами был сделан вывод, что вы наиболее подходящий кандидат», – начал свой разговор Гранатов.

«По приказу, пришедшему из столичного военного штаба, вас назначают руководителем секретной операции государственного значения. Вы можете отказаться с последующим отстранением от военной службы. Но мы надеемся, что вы как советский гражданин, военный офицер и человек который, служит своей стране, сделаете правильный выбор и послужите отчизне, которая так нуждается в вас» – продолжил Гранатов.

«Так точно!» – опешив, ответил Аркадий.

«Я так и думал!» – произнес Гранатов.

«Вас отправляют в зону ракетно-космических испытаний для весьма невербального сопровождения за установочными лицами. Группа подведомственных вам лиц скоординирована и подготовлена близ этой точки, – Гранатов указал пальцем на карту возле вершины горы

Ямах-Тую, – это северный склон уральских гор. В ваши обязанности входит сопровождение группы испытуемых с последующим исполнением во время операции предписаний».

Гранатов протянул коричневый пакет с документами.

«Главной задачей данной операции является установление психологического контакта. В группу уже внедрены наши сотрудники, их трое, но главное, что и они являются объектом вашего контроля, – продолжал Гранатов, – процессуальные позиции у вас различны. Информацией ставшей вам известной они не располагают. У них другие функции – они члены общей группы».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.